

своих всякое орудие и от дальних стран скот приводити и отводити ея от человек ко иным человеком» (л. 21 об.—22).

Далее повествуется о том, как «тать» Иван Матренин, пойманный на разбое, под пыткой рассказал и об ограблении Адрианова монастыря, и о том, что произошло с телом святого. После налета на монастырь, рассказывает Иван Матренин, тело Адриана «повергли ... на рубежи Белова села и Шигороша. На заутрия убийения святого, нам было, злодеем, устроить громаду дров костерных и сожещи мощи преподобнаго. Мы же, злодеи, со дружиною своею изыдох заутра на дело орудия своего огненного та же искахом телесе преподобнаго и не обретох его» (л. 22 об.). Заканчивая повествование о нападении и ограблении монастыря белосельцами, автор говорит о том, что белосельцы, вознамерившиеся разбогатеть за счет монастыря, пострадали, а монастырь, наоборот, стал процветать: «... повеле ... дворы их и статки и животы их с пашнями на продажу продати и повеле цену сел их привести в разбойную избу, иже бе цена их и доньне тамо вселяется — пятьдесят рублев. Чаях злодеи извести святую обитель и привести ея на придворие свое Белосельское, и паче ныне пречистыя богородицы обитель сияет, якоже солнце посреди земли Русийския» (л. 23).

Рассказ о мученической смерти Адриана Пошехонского имеет то непосредственное отношение к повествованию о святом, что эта мученическая смерть явилась одним из поводов для причисления его к лику святых, но сюжетность рассказа здесь явно преобладает над его дидактической направленностью. Подобного рода тенденцию можно проследить в целом ряде эпизодов севернорусских житий.

В Житии Никодима Кожеозерского (XVII в.) начальная часть Жития, освещающая жизнь Никодима в миру, в дидактическом плане имеет целью показать богоизбранность будущего святого, но содержание и развитие рассказа таковы, что эпизод этот приобретает характер увлекательного сюжетного повествования.

После жизни в Ярославле, где Никодим «изучися ковати гвоздия малаго»,¹⁶ он переселяется в Москву и «бысть житель в том граде, труждаяся и делая своима рукама» (л. 27). «Имяше же блаженный Никита (мирское имя Никодима, — Л. Д.) близ себе живуша человека некоего, пришедца же и одинахудожна ему, от града Твери. Человек же убо той имяше у себе жену велми злу и непотребну, яже и блудница бяше и зело прокудлива. И во един убо от дней свари та блудная жена его некоторую ядь (именуемая кисель) со отравою, воеже бы уморити мужа своего злою смертию. Егда же прииде человек той в дом свой, поим же с собою и блаженнаго Никиту, яко да обедует с ним. А сего убо не ведая ничто же о сих, яже сотвори оная злохитрая жена его. Яде же человек той оную ядь, ея же выше помянухом, и от того умре злою смертию. Яде же с ним и блаженный Никита и от сего прият болезнь велию во утробе своей. И пребысть в болезни той время не мало. Обаче же сохрани его бог от напрасныя и злыя тоя смерти, яже пострада подруг его. Та же некогда сядящу ему по обычаю на месте своем, иде же обыкновенно есть продаяти случившаяся ему, и се прииде к нему некий муж, нося одеяние староредное (?) и глагола ко блаженному: „Никито, Никито, чем болиши и что ти есть приключивъшееся, повеждь ми все подробну, без всякаго сомнения“. Блаженный же Никита сказа ему вся, яже збысться ему». Передается рассказ Никиты, повторяющий суть приведенного выше повествования о жене-отравительнице. Незнакомец, выслушав Никиту,

¹⁶ Текст цитируется по списку ГПБ, Соловецкое собр., № 182.